

И.А. Александров, аспирант*Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)*

Ключевые слова: раскол; ересь; секта; особенно вредная ересь; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

Аннотация: В рамках данной статьи исследуются различные вопросы, связанные с ответственностью последователей «особенно вредных ересей» согласно статьям Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, относящимся к отделению второму «О ересях и расколах» главы второй («Об отступлении от веры и постановлений церкви») раздела второго «О преступлениях против веры и о нарушении ограждающих оную постановлений». Следует отметить, что речь идет о первоначальной редакции Уложения 1845 г. Исходя из вышеуказанного наименования второго отделения, в этой работе определенное внимание уделено соотношению терминов «раскол» и «ересь». Также рассматриваются варианты группировки статей, составляющих отделение «О ересях и расколах», в зависимости от того, последователей каких религиозных объединений они касаются (старообрядцев, членов изуверных сект, членов особенно вредных сект и т. п.). Соответственно, выявляются статьи, касающиеся в той или иной мере особенно вредных ересей. Помимо анализа самого понятия «особенно вредная ересь» в статье рассматривается ряд вопросов, связанных с ответственностью последователей этих учений за проповедь своих воззрений. В частности, обращают на себя внимание вопросы о сопоставлении понятий «распространение» и «свертывание» (в учения, расценивавшиеся как ереси) и о специфике наказания за данное деяние. Кроме того, рассматриваются некоторые акты, оказавшие влияние на содержание изучаемых статей Уложения 1845 г., в том числе Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 20 октября 1830 г. «О духовборцах, иконоборцах, малаканах, иудействующих и других, признанных особенно вредными, ересях».

По словам советского исследователя В.В. Клочкова, с «момента возникновения раскола в русской православной церкви (середина XVII в.) и почти до конца XIX в. правовые нормы, относящиеся к старообрядцам, носили исключительно карательный характер и в разные периоды отличались друг от друга лишь большей или меньшей строгостью предусматриваемых ими мер по преследованию «раскольников». В аналогичном положении находились и сектанты, с той лишь разницей, что характер применявшихся к ним правовых ограничений и суровость карательных мер зависели от принадлежности к тем или иным сектам, которые признавались православной церковью и правительством более или менее опасными» [1, с. 71].

Впрочем, борьба государства с «расколом» характеризовалась то усилением, то ослаблением строгости его преследования. В некоторые периоды, например, в конце XVIII – начале XIX вв., осуществлялось определенное смягчение (по крайней мере, в рамках распоряжений центральной власти) государственной политики в отношении тех или иных сект, старообрядческих толков. Если же говорить о царствовании Николая I, то данный исторический период описывается как период усиления конфронтации в рассматриваемой области [2, с. 335].

В первую очередь интерес представляет отделение второе «О ересях и расколах» главы второй («Об отступлении от веры и постановлений церкви») раздела второго «О преступлениях против веры и о нарушении ограждающих оную постановлений» Уложения о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 года. Данное отделение включало основные положения главы третьей «О наказаниях за ересь и раскол» раздела второго («О преступлениях противу Веры») книги первой («О преступлениях и наказаниях вообще») Свода законов уголовных (в изданиях 1832 г. и 1842 г.) [3, с. 70–72; 4, с. 46–48]. В свою очередь, названная глава Свода законов представляла собой компиляцию вы-

держек из различных указов и иных нормативных актов, изданных в царствование Александра I и Николая I [5, с. 91], что следует учитывать при анализе соответствующих статей Уложения 1845 г.

Нельзя не сказать несколько слов о названии интересующего нас отделения и его толковании различными исследователями. К примеру, один из дореволюционных авторов П.Д. Калмыков пишет следующее: «Под сим разумеется учение о вере, уклоняющееся от учения православной греко-кафолической церкви. Названия «ереси» и «расколы» одинаковы; первое из них есть слово греческое, а другое русское» [6, с. 485]. Судя по всему, похожее мнение высказывает уже современный автор С.В. Розенко, в ходе рассмотрения указанного отделения второго говорящий о «...наказаниях за ересь и раскол..., которые рассматривались наряду с сектами как *тождественные* (курсив наш – И.А.) явления...» [7, с. 29, 30]. В другой работе в дополнение к данному высказыванию он отмечает, что понятие «раскол» в Своде, а затем и в Уложении получило «новое толкование, отличное от прежнего, церковного. Расколом назывались все противоцерковные (противогосударственные) ереси, возникшие в начале XIX в., которые преследовались за противообщественный характер их деятельности». Также указывается, что в рамках Свода законов 1832 г. (глава третья «О наказаниях за ересь и раскол») ересь и раскол рассматривались как *однородные* (курсив наш – И.А.) явления [8].

Вместе с тем другой современный исследователь Л.Д. Башкатов высказывает не вполне ясную точку зрения, согласно которой ересь определялась в Своде законов в редакции 1832 г. «как случай индивидуального отклонения от догматов православия, а раскол как уклонение массовое, сопровождаемое созданием нового религиозного общества». С другой стороны, по мнению Л.Д. Башкатова, в Уложении 1845 г. ересь трактуется «как проповедование, или отвлечение иным путем,

иной, нехристианской, во всяком случае, неправославной, веры в массовом масштабе, а раскол как публичная пропаганда своего вероучения и иные формы массового отвлечения... от христианской, прежде всего, православной, веры» [9, с. 37].

В заключение, подводя определенный итог, следует сказать, что значительное число дореволюционных исследователей (например, С.В. Познышев, Г.Е. Колоколов, Л.С. Белогриц-Котляревский, А.В. Лохвицкий) при рассмотрении данного вопроса подчеркивали отсутствие точного определения терминов «ересь» и «раскол» в законе. Так, с точки зрения С.В. Познышева, законодатель подразумевал под ересью отпадение от православия, не охватываемое понятием «раскол», и ставил рядом эти два термина как смежные, но одновременно различные. По мнению вышеуказанных авторов, первоначально раскольниками называли тех православных, которые не признали правильным исправление церковных книг и некоторых обрядов при патриархе Никоне, «т. е. под расколом понимали отделение от законной иерархической власти при сохранении всех существенных догматов и обрядов церкви». Однако позже расколом стали называть и те «новые направления, которые обнаружили уклонение от церкви в самых догматах веры», название раскола, кроме двух главных ветвей его – поповщины и беспоповщины, «спуталось с понятием ереси», распространилось и на множество «второстепенных» сект с различной окраской [10, с. 317; 11, с. 498; 12, с. 293, 294; 13, с. 271]. В свою очередь, под ересью в прямом смысле слова понимается учение, отклоняющееся от норм господствующей религии и противоречащее церковным догматам. А.В. Лохвицкий описывал сложившуюся ситуацию следующим образом: «Различие между расколом и ересью не определено в Уложении, хотя озаглавливая... словами: “о ересях и расколах” оно признает это различие. Мы не можем найти этого различия и у духовных писателей. Так, например, некоторые из них считают даже поповщину, т. е. раскол в самом тесном смысле слова, ересью; один из писателей нашего времени, митрополит Григорий доказывал даже, что беспоповщина не только ересь, но и нехристианское вероучение» [12, с. 299].

Переходя непосредственно к содержанию рассматриваемых статей Уложения 1845 г. (в первоначальной редакции это статьи 206–217), представляется целесообразным объединить их в несколько групп в зависимости от того, последователей каких религиозных объединений они касаются. В частности, Л.С. Белогриц-Котляревский подразделял указанные статьи на две группы, говоря, во-первых, о сектах, не соединенных с изуверством, выражающимся в посягательствах на свою или чужую жизнь, или с «противонравственными гнусными действиями», и, во-вторых, о сектах, соединенных с таким изуверством или действиями [11, с. 498].

Однако данный автор, по сути, отождествлял изуверные секты и особенно вредные секты, отмечая, что под последними «закон разумет ереси, соединенные со свирепым изуверством, фанатическим посягательством на жизнь свою или других..., а также с противонравственными гнусными действиями» [11, с. 500]. Действительно, такие последователи изуверных сект, как, например, скопцы, относились к лицам, принадлежащим к особенно вредным ересям, но это отнюдь не означает,

что все ереси, расцениваемые как особенно вредные, были соединены со «свирепым изуверством» и т. д. Т. е., по нашему мнению, целесообразнее говорить об особенно вредных ересях и «ересях, соединенных с свирепым изуверством» как о взаимосвязанных, но не тождественных понятиях.

Руководствуясь вышеприведенными соображениями, представляется возможным высказать сомнения в корректности классификации С.В. Розенко, который на основе текста ст. 206, 207 и 212 Уложения 1845 г. выделяет, во-первых, «уже отпавшие от православной церкви и повреждающие веру» ереси, во-вторых, «особо вредные» ереси и, в-третьих, «ереси, соединенные со свирепым изуверством...» [7, с. 29, 30]. Хотя данные понятия и употребляются в отдельных статьях Уложения, они частично совпадают по объему или находятся в отношениях соподчинения, поэтому говорить о них как о самостоятельных разновидностях, находящихся на одном уровне деления, вряд ли допустимо.

Большой интерес представляет точка зрения В.Б. Лебедева, который полагает, что в данном случае может быть применено «условное деление статей на следующие группы в зависимости от субъекта преступления»:

1) статьи, касающиеся последователей всех ересей и расколов, как существующих в Российской империи на момент принятия Уложения, так и возникших позже (ст. 206, 210, 213);

2) статьи, касающиеся последователей сект, принадлежащих к ересям, которые были или впоследствии будут признаны особенно вредными (духоборы, иконоборцы, молокане, иудействующие, скопцы) (ст. 207, 208);

3) статьи, касающиеся последователей ересей, «соединенных с свирепым изуверством и фанатическим посягательством на жизнь свою или других или же с противонравственными гнусными действиями» (ст. 212), а также статьи, касающиеся скопцов, «то есть секты, несомненно подпадающей под это определение» (ст. 211, 212);

4) статьи, касающиеся исключительно старообрядцев (ст. 214, 215);

5) статьи, касающиеся исключительно секты иудействующих (ст. 209, 216, 217) [5, с. 91, 92].

Однако ряд положений данной классификации, по нашему мнению, все же требует определенного уточнения. Во-первых, представляется, что статья 206 в части, устанавливающей ответственность за распространение уже существующих ересей и расколов и «заведение» новых сект, касается последователей всех ересей и расколов за исключением последователей особенно вредных ересей, ответственность за распространение которых (равно как и за соращение в оные) установлена в статье 207. Во-вторых, следует упомянуть статью 215, устанавливающую ответственность за «заведение раскольнических скитов или иных сего рода обиталищ и за построение новых и починку старых каких-либо для службы и моления по раскольническому обряду зданий, под наименованием церквей, часовень или молитвенных домов, и за устройство престолов в существующих уже часовнях, наконец и за обращение крестьянских изб в публичные молельни» [2, с. 220]. Опираясь, в частности, на мнение Л.С. Белогриц-Котляревского, который в качестве субъекта данного

преступления рассматривал любое лицо, являющееся членом не только «не особенно вредных сект, но и особенно вредных» [11, с. 500], можно пересмотреть место указанной статьи в рассматриваемой классификации.

Таким образом, положения, в той или иной мере касающиеся особенно вредных ересей, можно выявить в статьях 207–209, 216, 217, а также статьях 206, 210, 213, 215 (применительно к соответствующим религиозным объединениям). Следует отметить, что статьи 209, 216 и 217 Уложения в основном касались секты иудействующих (субботников). Использование термина «жидовская ересь» разъяснялось в Синодском указе от 29 июля 1825 г. «О мерах к отвращению распространения Жидовской секты под названием Субботников» следующим образом: «Как ничто не может иметь большего влияния над простым народом, как презрение или посмеяние над заблуждениями, ...то в сношениях местных начальств именовать Субботников Жидовскою сектою и оглашать, что они подлинно суть Жиды, ибо настоящее их наименование Субботников, или придерживающихся Моисееву закону, не дает народу точного о секте сей понятия и не производит в нем того к ней отвращения, какое может производимо быть убеждением, что обращать стараются их в жидовство» [5, с. 87, 88].

Перечень особенно вредных ересей (неисчерпывающий) был закреплен в статье 207, сформулированной следующим образом:

«Последователи сект, именуемых духоборцами, иконоборцами, малаканами, иудействующими, скопцами, а равно и другие принадлежащие к ересям, которые установленным для сего порядком признаны или впоследствии будут признаны особенно вредными, за распространение своей ереси и совращение в оную других, по совершенном изобличении в сем преступлении, подвергаются: лишению всех прав состояния и ссылке из Европейской России в Закавказский край, из областей Кавказской и Каспийской и из губернии Грузино-Имеретинской в Сибирь, а по Сибири – в отдаленнейшие оной места, для водворения особо от других поселенцев и старожилов.

Малаканы и прочие из принадлежащих к ересям, признанным особенно вредными, дозволяющие себе проповедовать свое лжеучение публично православным, за самое первое сего рода действие признаются распространителями раскола» [2, с. 218].

Следует отметить определенное различие между формулировками статей 206 и 207 Уложения: если первая из них устанавливала ответственность только за распространение соответствующих ересей и расколов, то вторая (как видно из вышеприведенного текста) упоминала как распространение ереси, так и совращение в нее других. По поводу соотношения понятий «совращение» и «распространение» в дореволюционных источниках не существовало однозначного мнения. Например, А.В. Лохвицкий указывал, что первое из них «обнимает единственный факт, тогда как для бытия второго едва ли достаточно такого факта, нужно несколько совращений одновременных или разновременных для того, чтобы составилось распространение». Касательно использованной в Уложении конструкции «за совращение других» данный автор отмечал: этому выражению «нельзя придавать того смысла, что им требуется совращение не одного только лица, но нескольких. Это

просто способ выражения, допускаемый в уголовном законе – множественное число еще не составляет неперемutable отрицание единственного» [12, с. 296, 298]. Подобного мнения придерживался и Г.Е. Колоколов, подчеркивавший, что первый термин существует и при одиночном факте, «для бытия же второго необходимы несколько совращений» [13, с. 272, 273].

Вместе с тем в некоторых комментариях можно встретить ссылки на соответствующую судебную практику, отражающую иную точку зрения. «Сенат в решении по делу Селютинной и делу Гончарова пришел к выводу, что применительно к ст. 206, 207 только распространение предполагает обращение потерпевшего в ересь, а под совращением следует понимать только попытку такого обращения, которая наказуема лишь в отношении особо вредных сект по ст. 207... Сенат, признавая, что для понятия распространения раскола необходим факт обращения кого-либо из православия в ересь или раскол и именно под воздействием со стороны виновного, считал достаточным один случай совращения» [2, с. 336, 337].

При этом в рассматриваемой статье предусматривалось распространение посредством убеждения, если же «распространение ереси и раскола было сопровождается насилем или другими, увеличивающими вину обстоятельствами», применялась статья 210 Уложения, предполагавшая наказание в виде лишения всех прав состояния и ссылки «в каторжную работу» от 12 до 15 лет (с учетом некоторых особенностей для тех, кто не был изъят от телесных наказаний).

Возвращаясь к категории «особенно вредные ереси», нужно сказать, что ее появление связано с Высочайше утвержденным мнением Государственного Совета от 20 октября 1830 г. «О духоборцах, иконоборцах, малаканах, иудействующих и других, признанных особенно вредными, ересях» [14]. При сопоставлении данного документа с рассматриваемой статьей Уложения 1845 г. можно отметить, что он предусматривал ответственность вышеуказанных лиц, изобличенных в распространении своей ереси и привлечении к ней других, а также «в соблазнах, буйстве и дерзостях против церкви и духовенства Православной веры». Признанных судом виновными в данных действиях следовало отдавать в солдаты (на службу в Кавказский Корпус), а неспособных к службе и женщин отсылать для водворения в «Закавказские Провинции». Отданным на военную службу в соответствии с данными правилами «раскольникам», если они не обратятся к православию, полагалось не давать ни временных отпусков, ни отставки. Также предписывалось приверженцев вышеупомянутых сект «из людей казенного ведомства, просящих о переселении к их единомышленникам, водворять впредь в Закавказских только Провинциях; водворение же их в Новороссийском краю отныне прекратить». Там же, где проживали лица православного исповедания, не допускалось замещение общественных должностей, соединенных «с правом власти или начальства», духоборцами, иудействующими и последователями других ересей, признанных особенно вредными.

Если кто-либо из вышеуказанных лиц обращался к православию, то при соблюдении установленного порядка обратившихся во время производства по делу полагалось возвращать «в прежние их общества или

помещикам». Тем, кто принял соответствующее вероисповедание уже в местах нового поселения, дозволялось возвращаться во внутренние губернии империи «с трехлетнею от платежа податей льготою и с правом избрать род жизни податного состояния и приписаться к городскому или сельскому обществу по их желанию, но с согласия сих обществ». Если вновь обратившиеся по возвращении из мест удаления снова «сворачивались в раскол», их надлежало по судебному решению отсылать в Закавказье безвозвратно.

Особо оговаривалось, что приведенные правила не распространяются на наставников и последователей сект, учение которых соединено с жестоким изуверством и фанатическими покушениями на жизнь свою или других. Лица такого рода должны были быть «судимы и наказываемы... по законам за смертоубийство, или намерение самоубийства».

Таким образом, наказание, предусмотренное для лиц, виновных в распространении особенно вредных ересей, претерпело определенную трансформацию и согласно Уложению 1845 г. представляло собой для всех категорий лиц лишение всех прав состояния и ссылку в Закавказье и т. д. В дореволюционной литературе подчеркивалась специфичность данного наказания, в частности, отмечалось, что причина его установления состояла в том, то «частные ссылки раскольничьих вожakov в Сибирь повели к распространению раскола в этой отдаленной стране; а за Кавказом нет шансов для раскольничьей пропаганды среди грузин татар и черкесов» [12, с. 297]. Особенностью этого наказания было и то, что если сосланный присоединился к господствующему вероисповеданию, он получал «свободу и гражданские права». Но, как следует из вышеприведенного документа и как было закреплено в статье 213 Уложения, если последователь ереси или раскола, обратившийся в православную веру и вследствие этого возвращенный из места ссылки, снова «сворачивался» в ересь или раскол, он ссылался в соответствующие места безвозвратно.

В дополнение к сказанному следует процитировать следующий документ, устанавливавший ряд критериев, которые касались особенно вредных ересей. «...Государь Император 8 октября 1835 г. Высочайше повелеть соизволил: сообщить главным местным начальствам, что кроме Духоборцев, Иконоборцев, Малаканов, Иудействующих, должно считать особенно вредными ересями: Скопцов и не молящихся за Царя, а сверх того и тех из раскольников, кои, по местным сообщениям, будут в равной степени признаваться вредными для общества; о сих последних испрашивать каждый раз разрешения Министерства Внутренних Дел, описывая обряды, мнения и правила, и означать степень вреда, от них происходящего» [15, с. 129].

Определенное влияние на рассматриваемую сферу также оказала своеобразная классификация «раскольничьих сект», осуществленная духовной властью. Согласно разъяснению Святейшего Синода 9 декабря 1842 г. в целях «более точного определения, какие именно из раскольничьих сект и толков признаются духовным начальством особенно противными учению Св. Церкви и в каком порядке следуют они одна за другою по степени своего вреда для веры православной», эти религиозные объединения были подразделены на:

вреднейшие секты, вредные секты и менее вредные секты. При этом вышеназванные особенно вредные ереси можно сопоставить с группой, названной «секты вреднейшие», которая включала в себя иудействующих, молокан, духоборцев, хлыстовщину, скопцов и «безпоповщинские секты, которые отвергают брак и молитву за Царя» [16, с. 149–151].

Целесообразно отметить, что в обзоре мероприятий Министерства внутренних дел, составленном в начале XX в., при характеристике приведенной классификации отмечалось, что духовная власть, в сущности, не исследовала учения указанных объединений и избрала в качестве критерия степень политического и религиозного вреда. Однако «такой односторонний взгляд на раскол и подобная классификация... еще более укрепили в императоре Николае убеждение, что раскол представляет собою анти-политическое явление, а для императора Александра II служили главным препятствием к осуществлению желания сего государя дать большему числу раскольников возможно широкие гражданские права как по происхождению и имуществу, так и по отправлению ими духовных треб» [16, с. 84].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ключков В.В. Закон и религия: (От государственной религии в России к свободе совести в СССР). М.: Политиздат, 1982. 160 с.
2. Российское законодательство X–XX веков. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. М.: Юрид. лит., 1988. 432 с.
3. Свод законов уголовных. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1832. 561 с.
4. Свод законов уголовных. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1842. 490 с.
5. Лебедев В.Б. Религиозные преступления в законодательстве Российской империи в XVIII – начале XX вв. Псков: Псков. юрид. ин-т ФСИН России, 2007. 154 с.
6. Калмыков П.Д. Учебник уголовного права. СПб.: Типография Товарищества Общественная польза, 1866. 537 с.
7. Розенко С.В. Уголовно-правовая борьба с сектантством по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // История государства и права. 2010. № 8. С. 29–30.
8. Розенко С.В. Государственная политика Российской империи в области противодействия нетрадиционным религиозным верованиям (сектам) в XIX в. // Российский юридический журнал. 2012. № 4. С. 214–220.
9. Башкатов Л.Д. Религиозная преступность: уголовно-правовые и криминологические проблемы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 224 с.
10. Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права: Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового Уложений. М.: Университетская типография, 1905. 408 с.
11. Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части. Киев: Южно-Русское книгоиздательство Ф.А. Иогансона, 1904. 625 с.

12. Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1867. 671 с.
13. Колоколов Г.Е. Уголовное право: Особенная часть. М.: Лит. В. Рихтера, 1895. 379 с.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. V. Отделение II. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1831. № 4010.
15. Собрание постановлений по части раскола. Т. 1. Постановления Министерства внутренних дел. Вып. 1. Лондон, 1863. 281 с.
16. Обзор мероприятий Министерства внутренних дел по расколу с 1802 по 1881 год. Издание Департамента общих дел. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1903. 343 с.
17. ishments of 1845. *Istoriya gosudarstva i prava*, 2010, no. 8, pp. 29–30.
8. Rozenko S.V. State policy of the Russian empire in the field of counteraction against non-traditional religious beliefs (sects) in 19th century. *Rossiyskiy yuridicheskiy jurnal*, 2012, no. 4, pp. 214–220.
9. Bashkatov L.D. *Religioznaya prestupnost': ugovno-pravovie i kriminologicheskie problemi*. Diss. kand. jurid. nauk [Religious crime: criminal, legal and criminological issues]. Moscow, 2001, 224 p.
10. Poznishev S.V. *Osobennay chast' russkogo ugovnogo prava: Sravnitelniy ocherk vajneyshih otdelov osobennoy chasti starogo i novogo Ulojeniy* [Special part of the Russian criminal law: Comparative essay of the most important sections of a special part of the old and new Code]. Moscow, Universitetskay tipografiya publ., 1905, 408 p.
11. Belogrity-Kotlyarevskiy L.S. *Uchebnik ugovnogo prava. Obshaya i osobennaya chasty* [Textbook on Russian criminal law. General and special part]. Kiev, 1904, 625 p.
12. Lohvitskiy A. *Kurs russkogo ugovnogo prava* [Course on Russian criminal law]. Sankt Peterburg, 1867, 671 p.
13. Kolokolov G.E. *Ugovnoe pravo: Osobennay chast'* [Уголовное право: Особенная часть]. Moscow, 1895, 379 p.
14. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sbranie vtroe. T. V. Otdelenie II* [Full code of laws of Russian empire. Code II. T. V. Section II]. Sankt Peterburg, 1831, no. 4010.
15. *Sobranie postanovleniy po chasty raskola* [Code of provisions on schism]. Vol. 1. London, 1863, 281 p.
16. *Obzor meropriyatiy Ministerstva vnutrennih del po raskolu s 1802 po 1881 god* [Survey of measures by the Ministry of home affairs against schism from 1802 till 1881]. Sankt Peterburg, 1903, 343 p.

REFERENCES

THE CATEGORY «PARTICULARLY HARMFUL HERESIES» ACCORDING TO THE CODE OF CRIMINAL AND CORRECTIONAL PUNISHMENTS OF 1845

© 2014

I.A. Alexandrov, post-graduate student
Togliatty State University, Togliatty (Russia)

Keywords: schism; heresy; sect; particularly harmful heresy; Code of criminal and correctional punishments of 1845.

Annotation: The article researches various issues connected with the responsibility of the followers of «particularly harmful heresies» according to the Code of criminal and correctional punishments of 1845 that are referred to the second part «About heresies and schisms» of the chapter «About retreat from the faith and ordinances of the church» of section two «About crimes against the faith» in the original version of the Code of 1845. Taking into account the abovementioned title of the second part, the work emphasizes correlation between the terms «schism» and «heresy». It also considers variants of grouping the articles included into the part «About heresies and schisms» depending on what religious groups they refer to (Old Believers, members of fanatic sects, members of particularly harmful sects, etc.). Thus, the articles more or less concerning those particularly harmful heresies have been identified. Apart from the analysis of the concept «a particularly harmful heresy» itself the article considers a number of issues concerning the responsibility of the followers of those doctrines for advocacy of their ideas. In particular, it deals with comparison of the concepts «dissemination» and «seduction» (into doctrines considered to be heresies) and specific character of punishments for such activity. The article also studies some documents that influenced the contents of the Code articles, including the Highly approved opinion by the State Council dated October 20, 1830 «About the Dukhobors, iconoclast, malakans, the Judaizers, and the other heresies recognized as particularly harmful».